

Даш

Герцогиня де Лозен
роман, перевод с французского

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Д21

Д21 **Даш**
Герцогиня де Лозен: роман, перевод с французского / Даш – М.: Книга по Требованию, 2020. – 77 с.

ISBN 978-5-458-10494-4

Я предприняла описать приключения моей жизни, не только ради себя, но ради людей меня окружающих. Я бедная женщина, осужденная на страдание и несправедливость и обязанная скрывать очень тщательно мои мысли и ощущения, потому что они всегда оставались непонятными. Надо же, когда нибудь, поговорить откровенно.

ISBN 978-5-458-10494-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я полагаю, что теперь мой читатель достаточно знает меня и может слѣдить за рассказомъ. Прибавьте къ портрету полную откровенность, желаніе нравиться, вовсе не скрытое, хотя и ограниченное предѣлами долга, и вамъ не останется ничего узнавать обо мнѣ, кромѣ того, что событія сами вамъ скажутъ.

Я продолжаю рассказъ.

Моя мать не разставалась съ своей идеей и начала сообразно съ ней дѣйствовать, не на отца, не на господина и г-жу Фремонъ, это было бы бесполезно, но на м-ше де Лоржъ непосредственно, и не смотря на всю свою ловкость, ошиблась въ средствахъ успѣха.

Въ одно утро, она пришла къ бабушкѣ раньше обыкновеннаго и предложила сестрѣ отправиться съ нею, къ рекетмейстеру, г-ну д'Оннель, единственному брату мама, который очень любилъ нашу семью; и такъ какъ я изъявила желаніе тоже сопутствовать имъ, то она мнѣ сказала что я ей вовсе не надобна. Домъ дѣда и нашъ были смежные, и мы встрѣчались на каждой минутѣ, хотя бабушка не теряла насъ изъ виду, и одна наблюдала за нами; болѣзненный, г. Фремонъ имѣлъ здоровой одну свою голову, и сохранивъ ее въ полномъ значеніи слова, вель дѣла свои удивительно. Къ нему пріѣзжали совѣтоваться и онъ давалъ превосходныя наставленія.

Прошу васъ не сомнѣваться, что онъ не щадилъ ихъ для насъ, своихъ внучатъ.

Послѣ того какъ моя мать увезла м-ше де Лоржъ къ г-ну д'Оннель, мы остались у дѣдушки, слушать чтеніе святаго писанія. Часа черезъ три моя сестра возвратилась, по обыкновенію спокойная, только я, замѣтивъ молніеносные взгляды ея пылающихъ глазъ, поняла то что говорилось; мама, уходя сказала ей кратко:

— Обдумайте зрѣло, дочь моя.

При этихъ немногихъ словахъ, я уже больше не сомнѣвалась, но молчала, ожидая чтобы она мнѣ сказала. Сестра была не изъ тѣхъ которыя говорятъ; исполняя буквально приказаніе матери она думала молча, и плодъ ея размышленій былъ именно тотъ, какимъ ожидать его слѣдовало. Я знала заранѣе что о немъ думать.

Вотъ какимъ образомъ все это было.

Мама начала съ различныхъ ласкательствъ, съ множества увѣреній въ своей материнской любви и съ подробнаго пересмотра характеровъ всѣхъ пяти дочерей, не пропуская даже и маленькихъ. Она съ особеннымъ удовольствіемъ хвалила м-ше де Лоржъ, ея благоразумныя мысли, высокій умъ, возвышенныя возрѣнія на вещи этого міра и кончила такъ:

— У насъ недостаточно средствъ чтобы надѣлать приличнымъ приданымъ дѣвушекъ вашего имени; значить, надо найти имъ карьеру сообразную положенію и способную сдѣлать ихъ счастлие. Серьезный умъ и нравственныя достоинства ваши призываютъ васъ къ высокому сану, какъ я уже говорила: постригитесь. Мы сдѣлаемъ васъ аббатисой въ одномъ изъ королевскихъ аббатствъ. Вы дойдете до управленія церковью, въ подвластной вамъ сферѣ и такимъ образомъ ваша жизнь будетъ счастливою и блестящею. Ни одна изъ вашихъ сестеръ не имѣетъ необходимыхъ достоинствъ для такого важнаго назначенія и менѣе всѣхъ м-ше де Кентенъ; ея легкомысліе не позволитъ ей даже стремиться къ этой блистательной славѣ. Она создана для двора, для свѣтскаго быта, чтобы быть обыкновенною женщиной, повиноваться мужу, который укажетъ ей путь, сообразный ея честолюбію или воли. Неправда ли и вы того мнѣнія?

— Моя сестра, не меньше меня, способна осуществить ваши высокія виды, сударыня; вы несправедливы къ ней, матушка.

Моя мать прикусила языкъ; она поняла всю силу противника.

И дѣйствительно, для семнадцатилѣтней молоденькой дѣвушки защита была достаточно ловкая.

— Я знаю что говорю, дитя мое. М-ше де Кентенъ далеко отстала отъ васъ во всѣхъ отношеніяхъ; я никогда не ослѣплюсь въ моихъ привязанностяхъ, будьте увѣрены въ этомъ.

Она возобновила своя краснорѣчивые доводы, на что сестра не поддавалась ни на шагъ, лавируя какъ старый придворный. И съ той и съ другой стороны эти пренія совершались изящно, пересыпаясь улыбками, комплиментами, ласками, на какія способны только придворные люди. Война была самая деликатная и поддерживалась съ ловкостью опытныхъ тактиковъ.

Такъ прошла вся продолжительная прогулка. Дядя д'Оннель, который не былъ въ секретѣ, поддержалъ мою мать, восхваляя въ м-ше де Лоржъ тѣже самыя качества и пророча ей завидное положеніе, если она сама его пожелаетъ.

— Я не имѣю призванія ни къ шуму, ни къ блеску, — скромно сказала сестра моя; я предпочитаю быть счастливою и не заставляя о себѣ говорить.

— Это самое то что я сейчасъ повторила вамъ, дочь моя, — поспѣшила ей возразить герцогиня; — вы презираете дворъ, и должны жить вдали отъ него.

— Я не говорила вамъ этого, матушка.

— А! я полагала...

— Нѣтъ, я избѣгаю блеска, господства, мнѣ надо руководителя и мужъ найдеть во мнѣ послушную, покорную ученицу, очень готовую повиноваться ему и слѣдовать его наставленіямъ.

— А!.. произнесла моя мать, почти сбита съ толку этимъ объявленіемъ принциповъ, сдѣланныхъ голосомъ, такимъ легкимъ и кроткимъ, что никто бы не заподозрѣлъ малѣйшаго возмущенія подъ этими льняными кудрями и алебастровой бѣлизной.

Я замѣтила что рѣшительныя и злыя блондинки хуже тигриць. Вообще лицемѣрныя и коварныя, они тѣмъ больше опасны что не допускають питать къ себѣ недовѣрія. Ихъ деликатность такъ обольстительна! я не хочу сказать моимъ замѣчаніемъ, что m-lle де Лоржъ имѣла всѣ эти пороки; напротивъ, она заслужила своимъ поведеніемъ похвалы которыми ее окружають; она исполнила свои обязанности неуклонно и свято. Я одна не нашла въ ней сестры какой бы желала и можетъ быть сама виновата.

Съ этого дня, моя мать не переставала расточать передъ ней свои убѣжденія; сестра сопротивлялась ей очень почтительно, мягко и кротко, но не уступала ни шагу. Герцогиня сердилась, даже грозила; она отвѣчала молчаніемъ и не измѣняла намѣренія. И замѣтите себѣ, мы съ нею не разставались, мы жили въ самой тѣсной интимности, и никогда ни словомъ, ни жалобой, она не измѣнила передо мной своимъ ощущеніямъ; я узнала эти подробности отъ матери и гораздо позднѣе; сестра же таила все въ своемъ сердцѣ.

Убѣдясь въ бесполезности доводовъ, г-жа де Лоржъ придумала новое средство, которое имѣло обратное дѣйствіе и было большимъ приключеніемъ въ моей жизни.

Она подумала, что познакомивъ сестру мою ближе съ монастырскою помпой, пробудить въ ней дремавшее честолюбіе и дать ей охоту вкусить ее въ свою очередь.

Госпожа де Лаваль, тетка отца моего, была аббатиссой Святаго Креста, въ городѣ Пуатье. Монастырь этотъ, самый богатый и самый значительный въ цѣлой Франціи, пользовался громадными преимуществами, въ честь своей основательницы, святой Радегунды, жены короля Клотаря I. Съ тѣхъ поръ имъ управляли многія изъ принцессъ королевскаго дома; значить, то была митра на которую льстились всѣ знатныя дамы двора и дворянства.

Мы были отправлены въ Пуатье на мѣсяць и болѣе, подъ предлогомъ представить насъ бабкѣ, преклонныхъ лѣтъ женщинѣ и получить, вмѣстѣ съ подарками, ея святое благословеніе. Я восторгалась; въ этомъ возрастѣ путешествія забавляють; сестра была менѣе откровенна, и не давая замѣтить, подозрѣвала причину нашей поѣздки. Мать ей не говорила ни слова, но монахини были наставлены и если успѣхъ не достигнуть, то не онѣ виноваты.

Герцогиня сама привезла насъ на мѣсто; дорогой мы пользовались огромнымъ почетомъ, вполне удовлетворявшимъ мое маленькое тщеславіе; что касается до m-lle де Лоржъ, оно не проявлялось въ ней вовсе.

Аббатство Святаго Креста стоитъ въ концѣ города, на красивой возвышенности; сады съ ихъ террасами и богатой растительностью, спускаются къ рѣчкѣ, по имени Кленъ. По ту сторону водъ, великолѣпный домъ принадлежащій бенедиктинцамъ, пригорки, мосты, старинныя башни, современники стараго Пуатье, все это мило, внушительно, живописно до крайности. Перспектива украшается колокольнями святаго Петра, роскошнымъ соборомъ, и шпиемъ святой Радегунды, готической церкви, гдѣ стоятъ гробъ и чудотворные мощи святой.

Мы были приняты съ церемоніаломъ, такимъ же пышнымъ какъ сама королева. Племянницы аббатиссы и супруга маршала, герцогиня де Лоржъ! такія лица въ монастырѣ, гдѣ власть аббатиссы также могущественна какъ власть короля въ его Луврѣ!

Пѣніе, свѣчи, хоругви, цвѣты, все это было въ процессіи, съ которой мы шли до самаго храма: наша добрая тетка царила подъ балдахиномъ, въ горностаевой мантии, съ митрой на головѣ и съ посохомъ въ лѣвой рукѣ; игуменскій перстень блестѣлъ на старческомъ пальцѣ, и пастырскій крестъ, массивнаго золота съ драгоценными камнями, сіялъ на тонкой, черной одеждѣ съ огромнѣйшимъ шлейфомъ, который почтительно, поднимали когда она проходила, двѣ ассистентки-монахини.

Вассалы ея, каноники св. Радегунды, и прочіе ленники, стояли за нею, составляя огромную свиту; пропѣли Те Деумъ, и голоса служительницъ Бога дивной гармоніей поднимались къ престолу предвѣчнаго, вмѣстѣ съ ихъ теплой молитвой.

Меня поразило, это высокое зрѣлище и я не могла удержать свои слезы; сестра оставалась невозмутимою. Обыкновенно набожная, она смотрѣла на все разсѣяннымъ взглядомъ, холодно преклонила колѣни и обнаружила ко всему непонятное равнодушіе.

По окончаніи службы, мы воротились въ гостиную аббатиссы, гдѣ подали ужинъ. Собесѣдники были городскіе и провинціальныя власти, которые съѣхались въ честь нашего посѣщенія. Я рѣдко видѣла такое количество серебра, золотыхъ украшеній и дорогихъ хрусталей какъ въ этотъ памятный вечеръ. То были, по преимуществу, приношенія принцессъ управлявшихъ аббатствомъ, папъ, королей и высокихъ особъ всѣхъ эпохъ и столѣтій. Намъ показали массивную чашу, подарокъ императрицы Юдифи, которая

удалилась къ Святому Кресту въ 830 году, при аббатиссы Герберги, смѣненной принцессой Ратрудой, дочерью Карла Лысаго.

Въ спискѣ особѣ стоявшихъ въ главѣ этой древней обители, находятъ:

Анну Орлеанскую, сестру Людовика XII;

Луизу Бурбонскую, дочь графа Вандомскаго;

Магдалину Бурбонскую, также изъ дома Вандома;

Иоанну Бурбонскую, дочь герцога Монпансье;

Шарлотту Нассаускую, дочь принца Оранскаго; и много другихъ принцессъ и дамъ знаменитого рода, именъ которыхъ теперь не припомню. Можно судить о высотѣ положенія, и о томъ была ли бы на своемъ мѣстѣ сестра, согласившись принять это званіе!

Среди монахинь, допущенныхъ особеннымъ разрѣшеніемъ къ столу аббатиссы, находилась одна красоты чисто царственной, той ослѣпляющей красоты, которою Господь награждаетъ однѣхъ своихъ ангеловъ.

Всѣ глаза устремились, туда и не отрывались отъ дивнаго личика; но ея скромность равнялась божественной красотѣ, и ея грусть равнялась чарующей скромности.

Она была изъ дома Мортемаровъ, и въ монашестѣ называлась сестра Марія Евхаристія, носила вуаль постриженія, но отказалась отъ всѣхъ своихъ преимуществъ, исполняла самыя скромности должности, и удалялась отъ почестей также усердно, какъ другія къ нимъ приближаются.

Моя мать непремѣнно просила съ ней видѣться; герцогиня Орлеанская, съ которой она находилась въ родствѣ чрезъ г-жу де Монтеспанъ, знала сестру Марію, и поручила герцогинѣ де Лоржъ передать ей поклонъ. Г-жа де Монтеспанъ, какъ извѣстно, была m-lle де Тонней-Шарантъ, дочь герцога де Мортемара, главы этого знаменитаго дома, которымъ Пуату гордилось по справедливости.

Сестра Марія повиновалась приказаніямъ аббатиссы; она очень скромно и очень любезно приняла привѣтствія отъ принцессы Орлеанскаго дома, попросила мать мою передать ей благодарность и отошла, скрывая въ широкіе рукава своей монашеской рясы самыя прелестныя руки, какія я когда-либо видѣла и опутивъ шелковистыя рѣсницы, кидавшія тѣнь на ея блѣдныя щеки.

Сестра и я вступили съ ней въ разговоры; она внушила намъ очень живое участіе, особенно мнѣ, и отвѣчала съ грустной улыбкой и съ кротостью ангела.

— Вы счастливы здѣсь? — обратилась я съ моимъ дѣтскимъ вопросомъ.

— Да, — отвечала она, не поднимая очаровательныхъ глазъ, — на лонѣ Бога нельзя быть несчастною.

— Это аббатство прекрасное и веселое, тутъ принимаютъ гостей и уставъ не особенно строгій, вы не должны здѣсь скучать.

— Mademoiselle, мы произносимъ объты у подножія распятія не для того чтобы заниматься вещами этого міра.

— Вы предпочитаете уединеніе?

— Да, m-lle, уединеніе и молчаніе.

— Вы не жалѣете о вашемъ семействѣ?

— Я ни о чемъ не жалѣю, m-lle.

— Неужели васъ противъ воли обязали постричься? вскричала я необдуманно.

Я до сихъ поръ еще помню тотъ взглядъ, который былъ мнѣ отвѣтомъ. Послѣ ужина она скрылась; когда выходили изъ за стола, я искала ее глазами и не нашла уже болѣе.

— M-lle де Мортемаръ удалась, — сказала мать моя аббатисѣ. — Мнѣ кажется, она не совсѣмъ общежитна, однако-же прекрасна.

— Сестра Марія избѣгаетъ, дѣйствительно, свѣта; она примѣрно благочестива и я должна была ее принудить чтобы заставить придти съ нами ужинать.

Я находила во всемъ этомъ что-то таинственное и дала себѣ слово, какъ настоящей ребенокъ, узнать поближе въ чемъ дѣло. Мнѣ казалось не натуральнымъ чтобы она запиралась безъ всякой причины.

На слѣдующее утро, я рано отправилась въ садъ, въ восторгѣ отъ полной свободы и отъ отсутствія бабушки, которая постоянно меня останавливала. На поворотѣ аллеи, я встрѣтилась съ сестрою Маріей. Она благосклонно мнѣ поклонилась и пошла себѣ далѣе. Я не стѣсняясь побѣжала за нею; она оглянулась.

— А! моя добрая сестра, — вскричала я съ чувствомъ, вы все такая же печальная? Скажите мнѣ что это значитъ?

Монахиня обратила ко мнѣ вопросительный взглядъ, казалось, она хотѣла прочесть мои мысли.

— Я уже говорила вамъ, m-lle, что я счастлива и что подъ Божиимъ окомъ нельзя быть несчастною.

— Тогда вы больны?

Любопытство дѣтей ненасытно.

— Я не больна, m-lle, я иду къ заутрени, служба сейчасъ начинается. Прощайте, m-lle.

Она низко мнѣ поклонилась и отправилась въ церковь.

Въ недоумѣнїи, я слѣдила за ней пока она скрылась. Но такъ какъ юность не долго задумывается, — то и я, принимаясь рѣзвиться, забыла все остальное.

Для ясности того что сейчасъ будетъ слѣдовать, я должна разсказать легенду аббатства Святаго Креста. Провинція Пуату, какъ и всѣ старинныя страны, населена легендами, домовыми и духами.

Понятно, что въ тѣ времена, когда святая Радегунда была аббатисой Святаго Креста, монастырское зданіе не могло имѣть своего настоящаго вида; оно состояло изъ грубой постройки и многія кельи скрывались въ самомъ утесѣ. Рядомъ съ кельями находились глубокіе погреба, которые и теперь существуютъ; туда ведутъ винтообразныя лестницы и спуститься до дна, нужно не менѣе четверти часа.

Святыя затворницы сохраняли въ нихъ съѣстные припасы приносимые правовѣрующими. Монахини, каждая въ свою очередь, приготовляли общую, скромную трапезу. Монастырь, тогда, находился еще въ состоянїи бедности. Клотарь не одарилъ убѣжища дорогой и любимой имъ женщины.

Однажды, сестра отряженная въ погребѣ, пошла и совсѣмъ не вернулась. Ее долго ждали, встревожились, съ нею случилось несчастье, она могла оступиться, могла упасть въ обморокъ и сейчасъ же другая спустилась за нею. Но эта другая также не веротилась.

Исторія дѣлалась страшною. Предупредили святую Радегунду; она по обыкновенію, молилась, но выслушавъ вѣсть прекратила молитву и направилась въ погребѣ куда сестры, вѣря ея могуществомъ, не колеблясь за нею послѣдовали.

Прибывъ на мѣсто исчезновенія, она ничего не увидѣла; тщетно обшаривъ углы и повернувъ весь погребѣ вверхъ дномъ, игуменья не открыла даже слѣда несчастныхъ монахинь. Всѣ вышли и толки не умолкали въ теченіе дня, конечно въ такіе часы когда могли разговаривать.

На утро никто не рѣшался идти за провизіей; но святая произнесла одно слово и всѣ изъявили готовность. Она выбрала одну молодую монахиню и ждала у входа на лѣстницу; та воротилась не много спустя, ничего не увидѣвъ особеннаго. Такъ прошло нѣсколько дней и несчастье стало позабываться.

Черезъ двѣ или три недѣли, снова исчезла бѣлица, за нею другая, и несмотря на самыя дѣятельныя поиски открытъ ничего не имѣли возможности. Городъ весь огласился чудесной исторіей. Радегунда не хотѣла болѣе подвергать неизвѣстной опасности свою паству и нельзя было оставаться подъ грознымъ ударомъ такихъ опасеній.

Королева молилась девять дней сряду, обреченная въ власяницу, почти отказавшись отъ пищи, и когда наконецъ приготовилась, собрала всю общину въ церкви.

— Дѣти мои, — сказала она, — я съ помощью Бога, спущусь одна въ роковую пещеру, которая поглотила уже четыре невинныя жертвы. По просьбѣ моей мнѣ разрѣшили этотъ поступокъ и я надѣюсь открытъ причину несчастій, нами оплаканныхъ.

Храмъ огласился рыданіями. Монахини ухватились за платье святой королевы, умоляя ее остаться при нихъ, не подвергая себя ужасному бѣдствію; она отвѣчала что охотно пожертвуетъ своей жизнью, лишь бы подобная жертва послужила имъ въ благо.

— Впрочемъ, — прибавила Радегунда, — со мною Господь, я сильна. Его крѣпостью мы увидимся снова.

Она перекрестилась, испросила бдагословеніе аббатиссы, такъ какъ въ ту пору уже отказалась отъ этого сана, взяла корзинку, фонарикъ и смѣло спустилась.

Ее ожидали у входа съ тоскою и ужасомъ. На колѣняхъ и распростертыя, монахини пѣли молебныя гимны, прерывая ихъ громкими стонами. Наконецъ, раздалися шаги и она появилась, съ блѣднымъ, но яснымъ лицомъ. Долгій крикъ радости и Те Деум огласили окрестность.

Святая Радегунда присоединилась къ молитвамъ; потомъ, преклоняясь передъ игуменьей, попросила благословенія говорить и получивъ его разсказала, что по приходѣ въ пещеру, она услышала оглушающій шумъ и вскорѣ увидѣла громаднаго, крылатаго змѣя, въ родѣ дракона, раскрывавшаго пасть чтобы проглотить ее тутъ же. Испугъ былъ великъ, но вѣра въ Бога была сильнѣе испуга. Она усердно молилась и просила Творца послать ей силу и мудрость избавить подругъ отъ злобы чудовища.

— Праведный Господи! — вскричала она, кидая хлѣбъ въ эту ужасную глотку, — сдѣлай такъ чтобы этотъ хлѣбъ послужилъ ему ядомъ, если ты внемлешь мольбамъ твоей грѣшной рабы.

Едва проглотивъ этотъ хлѣбъ, змѣй извился въ жестокихъ страданіяхъ, съ шипѣньемъ и свистомъ, которые долетѣли до слуха монахинь, чуть чуть не умершихъ отъ страха. Минуту спустя, чудовище сдохло.

Радегунда поблагодарила Господа Бога и вернулась назадъ, смиренная сердцемъ какъ прежде.

Въ монастырѣ есть картина этого змѣя и съ тѣхъ поръ, каждый годъ, въ понедѣльникъ на свѣтлой недѣли, ее обносятъ съ большей церемоніей, вокругъ священной обители. Народъ окрестилъ ее Огромною пастью, и крестьяне не вѣрятъ въ возможность хорошаго урожая, если не почтутъ ее приношеніемъ. Этотъ образъ очень грубой работы и носить число отдаленной эпохи, которое оспаривать трудно.

Какое отношеніе можетъ существовать между Огромною пастью и m-lle де Мортемаръ? это я; объясню вамъ немедленно.

II.

M-lle де Мортемаръ, какъ я говорила, была удивительно хороша и съ пріятнымъ умомъ, но я прибавила, что она обладала любящимъ сердцемъ и самой страстной душою.

Прежде чѣмъ постричься, она возвратилась въ семейство, гдѣ продолжали упорствовать въ намѣреніи отдать ее въ монастырь, не смотря на нѣсколько выгодныхъ партій, которыя были предложены дѣвушкамъ.

Она ничему не противорѣчила, пока, въ канунѣ отъѣзда не объявила рѣшительно матери, что хочетъ подумать еще о своемъ положеніи.

Отъѣздъ немного отстрочили, давъ ей понять что ея размышленія бесполезны.

Г. де Мортемаръ, принадлежалъ къ числу людей, которые не знаютъ уступокъ и считаютъ отцевскую власть на столько священной, что ни передъ кѣмъ ее не склоняютъ. А потому, когда дочь вошла въ его кабинетъ спросивъ угодно ли ему ее выслушать, онъ сухо и рѣзко отвѣтилъ:

— Къ чему это, m-lle?

— Я должна открыть вамъ мое сердце, батюшка, объяснить состояніе моихъ чувствъ и сказать на что я рѣшилась; затѣмъ, вы будете дѣйствовать сообразно вашей совѣсти или воли.

Видимо недовольный, г. де Мортемаръ указалъ ей на стулъ возлѣ кресель и приготовился слушать.

— Я не имѣю призванія къ монашеской жизни, — сказала она, — и считаю себя обязанною предупредить васъ объ этомъ.

— Оно придетъ, дочь моя.

— Нѣтъ, милостивый государь, оно не придетъ, потому что я люблю одного человѣка и общала быть женою его.

Графъ обнаружилъ удивленіе и досаду, что не укрылось отъ дочери.

— А кто этотъ человѣкъ, m-lle?

— Шевалье де Гардьеръ; вы должны его знать, потому что онъ просилъ руки моей.

— И я отказалъ ему въ ней.

— Да, батюшка; но если вы не хотите довести меня до отчаянія, если не поклялись создать изъ меня дурную монахиню, то вы теперь не откажете.

Г. де Мортемаръ былъ г-номъ де Мортемаромъ только изъ вѣжливости; находясь въ самымъ дальнихъ фамильныхъ связяхъ съ этимъ домомъ онъ подкрѣпилъ ихъ женитьбой на дочери послѣдняго герцога. Его звали г-номъ де Монкарвель. Это очень извѣстное въ провинціи имя, вероятно не совсѣмъ ему нравилось, потому что онъ усвоилъ себѣ фамилію тестя и не любилъ чтобы его называли иначе. Графъ де Монкарвель имѣлъ слабость непремѣнно считать себя въ мнимомъ свойствѣ съ королевскою фамиліей и всѣми силами лѣзъ въ родство, съ г-жею де Монтеспанъ и ея батарами.

Шевалье де Гардьеръ былъ изъ хорошаго, но не знаменитаго дома.

Г. де Мортемаръ не выноситъ самой мысли чтобы дочь его вышла за такое ничтожество, предпочитая обручить ее съ Богомъ и упиваясь гордой надеждой, что эта чудная красота украсится аббатіальнымъ кольцомъ и пастырскимъ посохомъ въ монастырѣ Святаго Креста, гдѣ вся провинція окружить ее поклоненіемъ.

Онъ не отказывался отъ этой идеи и любовь и несчастіе дочери не встрѣчали въ немъ никакого сочувствія. Таковы честолюбцы.

Еслибъ у насъ были дѣти, то г. де Лозенъ захотѣлъ бы ихъ выдать въ надзвѣздныхъ мірахъ, и ни мало не озаботился-бы справиться, не свернуть ли они шеи пока туда доберутся.

Такимъ образомъ, когда бѣдная дочь молила его, исповѣдуя свое дѣвичье сердце, онъ уже раньше рѣшилъ ее вовсе не слушать. Ему было все равно будетъ или нѣтъ довольна она, выйдетъ ли изъ нея хорошая или дурная монахиня, лишь бы она пошла въ монастырь; это все чего онъ желалъ отъ красавицы дѣвушки, предоставляя себѣ сдѣлать ее потомъ аббатиссой и поставить въ главѣ ея ордена, если только не встрѣтитъ въ ней оппозиціи.

— И такъ, m-lle, — сказалъ онъ, — вы мечтаете о бракѣ, о запрещенной любви на самыхъ ступеняхъ священнаго алтаря и полагали что я вамъ это дозволю, вы осмѣлились...

— Я осмѣлилась требовать моей доли счастья, въ которой вы мнѣ отказываете, милостивый государь, — отвѣтила съ твердостью девушка, — я не думала быть виновной такимъ образомъ дѣйствуя.

— Вы упрямы и непослушны. Ваша прекрасная склонность пройдетъ; когда вы водворитесь въ монастырѣ Святаго Креста, когда увидите какой помпой окружены княжны церкви, которыя управляютъ этимъ аббатствомъ, то образумитесь, и поймете какъ много обязаны мнѣ.

— Но милостивый государь...

— Вы напрасно бы дѣлали замѣчанія; ваша участь давно рѣшена и ничто, ничто, понимаете ли? ее не измѣнить.

— Ничто! ни даже безславіе?

— Полноте, mademoiselle! Развѣ ваше безславіе въ сферѣ возможнаго? Развѣ вы говорили бы такъ легкомысленно о вашемъ безславіи? Дочь моего дома, когда она обезславитъ себя, ее убиваютъ, сударыня.

— Хорошо, милостивый государь, я буду помнить.

Она не хотѣла больше просить и вышла изъ кабинета.

Часа черезъ два, она сидѣла одна въ своей комнатѣ, составляя какіе то планы, безъ сомнѣнія, очень печальные и безумные, когда къ ней вошли ея мать и старая, разорившаяся кузина, которая служила имъ компаньонкой. Обѣ ей кротко сказали что надобно ѣхать, что это строго приказано и что ночь должна ее видѣть въ аббатствѣ.

Она спросила четверть часа уединенія и отсрочки. Ей отказали.

Она попросила десять минутъ, чтобы только проститься съ молочной сестрой, которая находилась у ней въ услуженіи. Ей отвѣчали что это совсѣмъ невозможно.

Тогда, она попросила, по крайней мѣрѣ, достаточно времени чтобы уложить свои платья. Тутъ возразили что платья ей бесполезны, потому что завтра же, она облачается въ одѣяніе послушницы.

Пришлось покориться. Она призвала на помощь всю силу характера, всю волю, всю твердость, и не желая доставить гонителямъ радости видѣть ея отчаяніе, вооружилась гордымъ спокойствіемъ. На порогѣ отцовскаго дома у ней только вырвалось это одно восклицаніе:

— А! матушка, такъ и вы желаете моей смерти!

Г-жа де Монкарвель отерла украдкою слезы. Она не смѣла, въ присутствіи родственницы, произнести осужденіе мужу, онъ не простилъ бы ей этого, и поспѣшила войти въ экипажъ, куда обѣ дамы за нею послѣдовали.

Во всю дорогу никто не вымолвилъ слова; m-lle де Мортемаръ была слишкомъ надменна чтобы умолять; она не плакала, но размышляла; не надѣялась, но и не покорялась.

Онѣ пріѣхали поздно, въ аббатство и провела эту ночь внѣ монастырской ограды, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя мы занимали три года позже.

На утро ихъ приняла аббатисса; ей объяснили желаніе графа и попросили бѣлой вуали для жертвы, не смотря на уставъ, который требовалъ болѣе долгаго испытанія. Она провела свое дѣтство въ монастырѣ Святаго Креста, была извѣстна всей общинѣ и стало быть въ испытаніяхъ не было надобности.

Молодая особа хранила молчаніе. Блѣдная и холодная, какъ автоматъ или статуя, она пошла въ церковный придѣлъ и приняла этотъ бѣлый покровъ, который ее ни къ чему еще не обязывалъ, но уже вычеркнулъ изъ списка свѣтскаго міра. Я получила отъ очевидцевъ всѣ эти свѣдѣнія, потому что развязка трагедіи совершилась при насъ и имѣла большее вліяніе на участь сестры моей.

Годъ искуса прошелъ безъ всякаго сообщенія между семействомъ де Мортемаръ и бѣдною дочерью. Въ опредѣленный день, г. и г-жа де Монкарвель пріѣхали въ Пуатье. Они представились аббатиссѣ, которая, позвавъ къ себѣ послушницу, спросила при нихъ, тверда ли она въ своемъ прежнемъ намѣреніи и должны ли они приступить къ ея постриженію?

— Мои намѣренія сохраняютъ всю свою силу, — отвѣчала она, устремивъ на отца выразительный взглядъ.

— Въ такомъ случаѣ, дочь моя, вы завтра же произнесете ваши обѣты; мы желаемъ при этомъ присутствовать и не можемъ отлучаться на долго изъ дома, куда насъ призываютъ дѣла особенной важности.

Вѣрная своей роли, гордо-пассивной, она поклонилась не отвѣтивъ ни слова. Г-жа де Мортемаръ замѣтила мужу что дочь ихъ весьма измѣнилась.

— Это пройдетъ, когда надежда погибнетъ, сударыня; она еще полагаетъ что можетъ насъ тронуть, но разъ что обѣты произнесутся и возврата не будетъ, она помирится съ судьбой и поправится скоро.

Привыкшая къ повиненію, бѣдная мать возражать не посмѣла.

Есть такіе тираны, которые стали бы палачами, еслибы Господь не отказалъ имъ въ могуществѣ.

Никто не возсталъ. Въ немного часовъ, церковь роскошно убрали, зажгли ѳиміамы и свѣчи; зрѣлище было волшебное и могло вложить въ душу самое страстное благочестіе; я это испытала при нашемъ пріѣздѣ.

Еслибы я знала что меня ожидаетъ въ супружеской жизни, то увѣрю васъ, предпочла бы это прекрасное аббатство и почести, которыя воздавали нашей старой кузинѣ. Но кто могъ предвидѣть?

Марія Евхаристія приблизилась къ алтарю, какъ всегда, съ тѣмъ мраморнымъ хладнокровіемъ, съ той автоматической неподвижностью, которыя производили такое тяжелое, впечатлѣніе. Отецъ и братъ подвели несчастную дѣвушку, ей обрѣзали волосы, ее положили подъ чернымъ покровомъ, какъ мертвую; она не вставала; всѣ содрогнулись, считая ее дѣйствительно отошедшею; одна изъ сестеръ, приподняла ее съ трепетомъ. Зачѣмъ вы тутъ остаетесь, сестра Марія? Васъ ждуть.

— Потому, что я хотѣла бы остаться тутъ вѣчно, — отвѣчала она.

— Бѣдная сестра! вы убѣдитесь что монастырь имѣетъ много хорошаго, когда ваше сердце привяжется къ Богу, вмѣсто того чтобы любить эту грѣшную землю.

Жертва свершилась: бѣдная дѣвушка произнесла торжественныя обѣды и принадлежала вполне монашеской жизни. Въ эту минуту, пронзительный крикъ, крикъ, отозвавшійся у каждаго въ сердцѣ, раздался подъ сводами храма. М-Ше де Мортемаръ его услышала и грохнулась на полъ, лишившись сознанія; ее взяли и вынесли. Родныхъ своихъ она больше не видѣла.

Съ этого дня и мало по малу, въ ней совершилась огромная переменна; она сдѣлалась строже къ себѣ, гораздо точнѣе, гораздо усерднѣе въ религиозныхъ своихъ упражненіяхъ; оставалась почти безвыходно въ церкви, предавалась постоянному умерщвленію плоти, убивала здоровье и силы, избѣгала всякаго столкновенія съ обществомъ, словомъ, стала такой какъ мы ее видѣли, а теперь, я опять выступаю на сцену.

Разставшись съ сестрою Маріей, и бѣгая по аллеямъ, я наткнулась у цвѣтниковъ на молодого садовника, очень красивой наружности и тутъ же остановилась. Онъ мнѣ поклонился и лице его вспыхнуло.

Я долго смотрѣла и наконецъ не удержалась отъ смѣха, замѣтивъ что онъ положительно не умѣетъ какъ взяться за дѣло.

— Вы ученикъ? — спросила я.

— Да, м-Ше, ученикъ; я только со вчерашняго дня получилъ это мѣсто.

До меня оно не касалось и я ушла продолжать свое бѣганье, но ввечеру въ гостиную аббатства, передала свою встрѣчу, съ забавными комментаріями, не придавая ей никакого значенія.

— Это новый помощникъ садовника, — продолжала одна изъ монахинь, — онъ еще даже не знаетъ обычаевъ дома; вчера я его видѣла бродившимъ около келій, хотя къ нимъ и запрещено приближаться.

— За этимъ надо смотрѣть. — прервала строго игуменья, — потому что оно можетъ дать поводъ къ различнымъ предположеніямъ; на монастыри и такъ уже много клеветуютъ.

— Можетъ быть, онъ хотѣлъ пробраться въ подземную капеллу Огромной Пасти, — сказала одна изъ привратницъ; — къ намъ приходятъ за этимъ отсюда, хотя спуститься надо, по крайней мѣрѣ, на сто ступеней.

— Это чудотворное мѣсто; о чѣмъ тамъ не просятъ у Бога, все исполняется.

Сестра Марія ничего не сказала и подняла глаза свои къ небу; меня поразили ея взглядъ.

Въ послѣдующіе дни я нѣсколько разъ встрѣчала садовника и постоянно въ какихъ то странныхъ позиціяхъ: онъ, то скрывался за чащей деревьевъ, то тихо бродилъ поминутно оглядываясь, и съ нахлобученной шляпой, такъ, что я даже однажды спросила его, не боится ли онъ что ему откажутъ отъ мѣста?

— О! нѣтъ, м-Ше, я былъ бы этимъ весьма опечаленъ и никогда не сдѣлаю никакого проступка, чтобъ заслужить такую невзгду.

— Какъ васъ зовутъ?

— Реми, м-Ше.

— Реми! Это имя одного архіепископа. Желали ли бы вы быть архіепископомъ?

Мнѣ показалось что онъ улыбался.

— Я никогда объ этомъ не думалъ, м-Ше.

— А!

— Это было мнѣ странно, честолюбіе вещь такая естественная!

Я нѣсколько разъ начинала съ нимъ заговаривать и получала отвѣты всегда односложные; меня раздражали его слова и поступки; мнѣ чужалась тайна и я занялась разгадкой этой шарады.

На утро, я рано отправилась въ садъ, но онъ не показывался. Я долго бродила у лѣстницы подземной капеллы; мнѣ очень хотѣлось спуститься, и я не посмѣла изъ страха, не строгаго выговора, а встрѣчи съ какимъ нибудь новымъ дракономъ, отъ котораго святая Радегунда меня не спасетъ уже болѣе.

На этотъ разъ я осталась при томъ же что знала.

Дня черезъ два, принявъ свои мѣры, я скрылась за розовый кустъ и минуту спустя, явился прекрасный садовникъ... но представляя собой чистокровнаго дворянина, подъ скромной одеждой работника.

Онъ походилъ на человѣка, который чего нибудь выжидаетъ и опасается; его бѣлыя, красивыя руки не держали орудія садоводства. Обойдя вокругъ мѣстности, онъ подбѣжалъ къ подземному входу и скрылся.

Молодой человѣкъ положительно имѣлъ какой нибудь умыселъ противъ змѣя съ огромною пастью.

Я готовилась уходить изъ моего тайника, когда тихій шумъ отъ легкихъ шаговъ и шорохъ длиннаго платья, остановили меня и приковали вниманіе... Я оглянулась: то была m-lle де Мортемаръ и точно также объятая трепетомъ. Лице ея закрывалось вуалью, но неподражаемая походка этой чудной красавицы, обличила бы ее среди тысячи женщинъ.

Съ минуту она колебалась у входа, но вдругъ, какъ бы охваченная внезапной рѣшимостью, тоже исчезла въ отверстіи лѣстницы.

Женщины любопытны, но дѣти еще того любопытнѣе.

Мной овладѣло непобѣдимое желаніе спуститься за нею и посмотрѣть, что она будетъ тамъ дѣлать, такая смущенная и взволнованная.

Я уже не боялась, и смѣло вошла въ эту бездну, считая шаги и удерживая дыхание чтобы меня не услышали.

Я долго спускалась; эта винтообразная лѣстница была безконечною. Шумъ голосовъ достигъ до меня, когда я еще не дошла до самага низа; говорила m-lle де Мортемаръ; я разумѣется не пошла уже далѣе.

— Я вамъ сказала и повторяю, шевалье, что это васъ не достойно.

— О! m-lle, неужели вы такъ хотите! Неужели вы забыли все прошлое?

— Я забыла дѣйствительно, Богъ мнѣ далъ эту милость, и забыла бы совсѣмъ, я въ этомъ увѣрена, а теперь вы меня подвергаете святотатству или несчастію, а можетъ быть, и тому и другому.

— Дайте васъ убѣдить, склонитесь на просьбы моя, покиньте вашъ монастырь, мы будемъ счастливы; мои мѣры всѣ приняты, побѣгъ нашъ замѣтятъ тогда, когда будетъ поздно...

— Замолчите! не искушайте меня.

— Умоляю васъ.

— Нѣтъ, вы меня мало знаете, шевалье, я не нарушу данныхъ обѣтовъ, и если пришла уже разъ сюда, то для того, чтобы умолять васъ уѣхать оставить эти мѣста, которыя вы профанируете.

— А! да, вы правы, я не знаю васъ болѣе! но по крайней мѣрѣ, не думайте чтобы мое рѣшеніе было менѣе твердо чѣмъ ваше; вы не хотите со мною уѣхать, я заставляю васъ не въ правѣ, вы меня больше не любите, я принужденъ покориться. Только, я не выйду отсюда живымъ, клянусь вамъ моей любовью и честью. У каждаго своя воля и моя такова.

III.

М-lle де Мортемаръ протянула руки и вскрикнула. Что касается до меня, то я дрожала отъ страха; мнѣ очень хотѣлось уйти, но любопытство меня удержало и я не двигалась съ мѣста.

Они стояли въ подземной капеллѣ, гдѣ постоянно горѣли лампадки и свѣчи, значить, я превосходно ихъ видѣла, между тѣмъ, какъ они меня не видали. Сестра Марія произнесла испуганнымъ голосомъ.

— Лишить себя жизни! Убить себя въ церкви, отнять такую священную вещь какъ жизнь, у Божьяго существа на самыхъ ступеняхъ его алтаря? Нѣтъ, вы не можете этого сдѣлать?

— Клянусь моей честью, что сдѣлаю.

И я увидала блеснувшій въ рукѣ его кинжалъ или ножъ.

Страхъ превозмогъ всѣ прочія чувства и я какъ стрѣла пустилась на верхъ съ отчаяннымъ крикомъ. У самага входа встрѣтилась сестра пріорша, съ однимъ изъ священниковъ и съ наставницей послушницъ которые шли очень скоро къ подземной капеллѣ, услыхавъ мои крики.

— Что тамъ такое, m-lle? говорите скорѣе.

Священникъ улыбнулся при безпокойствѣ пріорши.

— М-lle де Кентень увидела Огромную Пасть, какъ всѣ ее видятъ, спускаясь въ капеллу.

Я не дала ему кончить:

— Нѣтъ, нѣтъ, туда, туда! идите скорѣе! — кричала я, — идите, не стойте! М-Ше де Мортемарь, садовникъ!..

— О! Господи Боже!..

И они въ ужасѣ стали спускаться, одинъ за другимъ, Богъ знаетъ что думая.

Желая увидѣть въ чемъ дѣло, я воротилась за ними, немного поодаль.

У послѣдняго поворота до меня долетѣли ихъ восклицанія; миновавъ три ступеньки за разъ, я очутилась въ капеллѣ и увидала сестру Марію, прелестную, грустную, на колѣняхъ, съ слезами на блѣдныхъ щекахъ, поддерживающею голову молодого садовника.

Она не измѣнила своего положенія при видѣ входящихъ; священникъ первымъ приблизился къ ней и спросилъ объясненія сцены.

— Это мой нареченный, — сказала она, — шевелье де ла Гардьеръ. Онъ сейчасъ лишилъ себя жизни, потому что я отказалась бѣжать и Богъ мнѣ свидѣтель, что я не переживу его смерти.

Они переглянулись въ изумленіи. На строгій тонъ сестры пріорши, м-Ше де Мортемарь опустила прекрасную голову, но лице ея не измѣнило своего выраженія, она не старалась оправдываться и только молилась.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми обмѣнялись сановники, наставница послушницъ сказала тихо Маріи:

— Надо идти за нами, сестра.

— Какъ! оставить его въ такомъ положеніи!

— Онъ останется не одинъ, будьте покойны и пойдѣте, пойдѣте даже ради его. Ему необходимо подать очень скорую помощь и насъ не должны здѣсь застать. Онъ долженъ остаться для всѣхъ садовникомъ Реми.

Лице бѣдной дѣвушки изобразило тоску необъятную; она встала, и не отрывая глазъ отъ неподвижнаго тѣла, пошла за монахинями.

Я не видала чѣмъ это кончилось, потому что вышла первая изъ капеллы и тотчасъ убѣжала.

Никто не зналъ на сколько вся эта сцена была мнѣ извѣстна; я, кромѣ матери и сестры, никому не сказала что видѣла.

Исторія эта не вышла наружу; ее затушили въ оградѣ аббатства, какъ это всегда происходитъ въ такихъ учрежденіяхъ. Все остальное мнѣ стало извѣстно гораздо позднѣе.

Несчастный молодой человѣкъ не прожилъ больше трехъ дней и умеръ въ раскаяніи. Его отнесли изъ аббатства къ какому то скромному другу, какъ будто бы раненаго, во время пути, напавшею шайкой мошенниковъ.

М-Ше де Мортемарь появилась за ужиномъ. Она была почти та-же что наканунѣ, немного блѣднѣе, немного серьезнѣе, и я не могла себѣ объяснить этой силы характера. Мнѣ запретили напоминать ей о томъ что случилось и я только молча смотрѣла на эту твердую дѣвушку.

Дня три она приходила въ гостиную.

Потомъ мы ее больше не видѣли; и когда моя мать спросила о ней:

— Она нездорова, — отвѣтила аббатисса тѣмъ тономъ, который не допускаетъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

Приключеніе это, имѣло, однако, послѣдствіемъ то, что мы прогостили въ монастырѣ Святаго Креста, не болѣе двухъ недѣль послѣ печальной развязки и что съ тѣхъ поръ, м-Ше де Лоржъ никогда уже больше не говорила о постриженіи.

IV.

Итакъ, къ великой радости сестры моей, мы возвращались въ Парижъ; что касается до меня, то мнѣ и въ аббатствѣ не было скучно. Путешествіе наше было очень веселымъ; м-Ше де Лоржъ смѣялась и пѣла отъ утра до вечера, очевидно довольная что счастливо отдѣлалась. Моя мать спросила о причинѣ такого пріятнаго настроенія.

— Потому что я рада увидѣть отца и г-на и г-жу Фремонъ.

Мы пріѣхали въ отель де Лоржъ, гдѣ насъ ожидали и особенно радостно встрѣтили. Первая личность, появившаяся поздравить насъ съ возвращеніемъ, была г-жа Дамонъ, жена брата бабушки,

старушка любезная и приятной наружности, которая очень любила нашу семью и посѣщала хорошее общество.

Она нѣсколько разъ принималась насъ цѣловать, особенно сестру мою.

— А! моя милая барышня, — повторяла она, — какъ я рада что вы воротились.

— А меня вы не рады? — спросила я.

— И васъ точно также, но это было менѣ спѣшно.

— Почему?

— Я была больше увѣрена васъ увидѣть, m-lle, въ ваши годы всегда возвращаются.

Два года старшинства сестры надо мною, составляли мою вѣчную муку; на нее смотрѣли какъ на дѣвицу, на меня какъ на дѣвочку; даже въ обращеніи съ нами г-жи Фремонъ, существовало это различіе. Одна моя мать, думала я, воздастъ мнѣ то, что мнѣ слѣдуетъ.

На другой же день возвращенія нашего, я замѣтила въ домѣ и вокругъ сестры какую-то небывалую суету, поразившую мою дѣтскую наблюдательность. Г. де Ламуаньонъ, интимный другъ маршала Рипарфонъ, адвокатъ, который пользовался его полнымъ довѣріемъ и г-жа Дамонъ, цѣлый день входили и выходили, запирались въ кабинетъ отца, перешептывались, жестикулировали и съ утра до вечера перебирали какія то толстыя книги.

Мои сестры и я, чрезвычайно заинтригованныя не привычнымъ движеніемъ, тщетно бы ломали надъ разгадкой его наши дѣтскіе головы, если бы одна изъ нашихъ подругъ, m-lle де ла Тремуйль не открыла намъ этой механики, удививъ насъ до нельзя ея объясненіемъ.

Въ одно утро, она пришла къ намъ съ своей гувернанткой, которая тотчасъ же вошла въ конференцію съ нашей, по поводу штопанья кружева. Мы значить остались однѣ; m-lle де ла Тремуйль отвела насъ на другой конецъ комнаты.

— На сколько я васъ знаю, — сказала она, — бьюсь объ закладъ что вамъ неизвѣстно что происходитъ и почему васъ снова не отвезли къ вашей бабушки.

— А вы развѣ знаете? — вскричали мы обѣ.

— Да, я знаю, и даже вамъ скажу, если вы только желаете.

Въ желаніи у насъ недостатка не оказалось!

— И такъ, m-lle де Лоржъ хотятъ выдать за мужъ.

— Меня!

— Да, васъ, и мы соперницы съ вами, — смѣясь прибавила она, — потому что вашего мужа мнѣ назначали.

— А! — вскричала я, — я знаю кто это. Герцогъ де Луксембургъ овдовѣлъ! Если бы я была на мѣстѣ сестры, то уступила бы вамъ безъ всякаго спора.

— Вовсе не то. Дѣло идетъ не о герцогѣ де Луксембургъ. Онъ думалъ объ этомъ, я знаю, и даже г. де Ламуаньонъ его очень поддерживаетъ, но тѣмъ не менѣ ему успѣха не будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, шансы быть принятымъ лучше на сторонѣ протее Рипарфона.

— Напротивъ, Рипарфонъ очень хочетъ меня наградить этимъ счастливецемъ изъ смертныхъ, — возразила она съ самымъ искреннимъ смѣхомъ, — я все это знаю черезъ мама, она ничего отъ меня не скрываетъ. Впрочемъ, вамъ, такъ или иначе, m-lle, предстояло непременно быть замужемъ, потому что у васъ были еще претенденты. Пока вы ѣздили въ Пуатье, герцогъ де Манфоръ просилъ руки вашей, черезъ отца своего, герцога де Шевреза; ему отказали.

— А моей? — спросила я необдуманно.

— О! вашей, о васъ еще вовсе не думаютъ. Особа, которая занимается этимъ, и съ которой тоже совѣтовались, это тетка моя, герцогиня де Браччіано. Она хотѣла чтобы я вышла за вашего мужа, но... Я не выйду; во первыхъ потому, что съ его стороны желанія мало, а потомъ, потому что онъ мнѣ не нравится.

— Да кто же онъ, наконецъ?

Я одна вела разговоръ, сестра не произносила ни слова и только глаза ея смотрѣли особенно вопросительно; такую была она всю свою жизнь.

— Должна ли я назвать его имя?

— Да, поспѣшите же, назовите скорѣе.

— А m-lle де Лоржъ не желаетъ узнать?

— Я полагаюсь во всемъ на родителей, и что они сдѣлаютъ для меня, будетъ всегда хорошо, я увѣрена, отвѣчала она съ своей обычною сдержанностью.

— Ну, а я полагаюсь только на васъ, продолжайте же; говорите же, Боже ты мой!

— Это будетъ огромный секретъ. Оно никому не извѣстно, моя тетка угадываетъ и мама распинается передъ ней, утверждая что все это выдумка. Если маршаль де Лоржъ узнаетъ что я вамъ сказала, или что вы и я подозрѣваемъ объ этомъ, онъ намъ никогда не проститъ.

— Боже мой! мы никому же не скажемъ; и если вы не откроете больше чѣмъ то что сказали, то, намъ оно будетъ не трудно.

— Ну хорошо, женихъ, это герцогъ де Сен-Симонъ.